

УДК 2-78 (575.2)

ТАЙНЫЕ СКИТЫ В КИРГИЗСКОЙ ССР

Е.Е. Озмитель

Впервые публикуются архивные данные о тайной религиозной организации афонских монахов, которая существовала в конце 1920-х гг. около г. Токмак и была ликвидирована органами ОГПУ.

Ключевые слова: Русская православная церковь; христианство в Средней Азии; государственно-конфессиональные отношения советского периода; репрессии; афонские монахи; имяславие; методы ОГПУ.

SECRET MONASTERIES IN THE KYRGYZ SSR

Е.Е. Ozmitel

It was first published historical data, based on the archival document, about a secret religious organization Athos monks, which has existed in 1920's. about c. Tokmak and was eliminated by the OGPU.

Key words: Russian Orthodox Church; Christianity in Central Asia; the state-confessional relations of the Soviet period; repressions; Athos monks; name worship; worshiping methods of OGPU.

В этой статье речь пойдет о монашеских скитах – тайных православных организациях, которые существовали в годы массовых репрессий против верующих (1920–1930-е гг.) по всему Советскому Союзу и, в частности, в Средней Азии и Киргизии. Следует отметить, что сами обитатели этих нелегальных монашеских общин не называли их скитами, во всяком случае, ни в показаниях на следствии, ни в воспоминаниях, мы этого не обнаружили. Все они говорят о кельях, молельнях, пещерках, землянках, избушках и даже саклях, но не о скитах. Строго говоря, они и не были скитами в точном значении этого слова. Скит – это, как правило, небольшой монастырь внутри монастыря, уединенное поселение отшельников, живущих по самым строгим монашеским правилам. В случае со скитами раннего советского периода мы имеем дело даже и не совсем с монашескими организациями, так как, во-первых, в них, кроме монахов, могли находиться миряне с семьями, во-вторых, они нередко имели смешанный состав из иноков и инокинь, их могли посещать жители окрестных сел, что в монашеских скитах не было принято.

Следовало бы говорить о небольших тайных общинах монахов и благочестивых мирян, но в литературе название “скит” прочно утвердилось за подобными общинами. Самое раннее (в нашем регионе) такое наименование для нелегальных православных общин советского периода мы обнаружили в официальных советских документах –

согласно протоколам Киргизского обкома партии, в июне 1933 г. в Киргизии была “ликвидирована к/р церковная организация”, которой среди прочего вменялось в вину “насаждение скитов монахов” [1, л. 69]. О. Ходаковская, первый исследователь жизни Семиреченских монахов-мучеников Серафима и Феогноста, скрывавшихся в алматинских горах в начале 1920-х гг., пишет о “монашеских скитах” [2; 3], в которых действительно жили только монахи. В иллюстрированной энциклопедии А. Лухтанова есть статья “Монашеские скиты” [4]. В. Королева, собравшая обширный материал о казахстанских новомучениках, скитами называет все подобные поселения, в которых скрывались и монахи, и миряне [5], также они именуется в статье В.Б. Заславского [6]. В официальном жизнеописании иноков из Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря Серафима, Феогноста, Анатолия, Пахомия и других монахов их тайные кельи в горах Алатау и Тянь-Шаня также названы скитами [7].

Продолжая работу, начатую этими авторами, мы решили последовать установившейся литературной традиции. Тем более, что очевидны некоторые преимущества понятия “скит”. Если обозначать им уединенное, отдаленное от населенных пунктов поселение православных верующих, живущих по строгому монастырскому уставу, то станет понятным, почему оно прижилось. Именно те из нелегальных православных общин, которые образовывались не в городах, не на квартирах,

а в отдаленных труднодоступных местах, в исследовательской литературе и православной агиографии и публицистике стало принятым именовать тайными скитами. Ключевое слово здесь оказывается “тайный”. В дореволюционной России тайными скитами именовались поселения раскольников, укрывавшихся от властей. Может быть, именно поэтому представители советской власти, занимавшиеся их ликвидацией, стали употреблять слово “скит”.

Из “киргизских” скитов подробно описаны В. Королевой только южные – Джалалабадские, или “ферганские”, как их еще называют [5]. Это те, которые связаны с именем монаха Иссык-Кульского Свято-Троицкого монастыря Пахомия (Русина), нескольких афонских иноков и нескольких алмаатинских монахинь, и – там же, на юге Киргизии, – Ташкумырские, где скрывался у мирян Казулиных Глинский старец Серафим Романцов [5; 6]. О тайных скитах Северной Киргизии до сих пор не было никаких точных сведений. Где-то в горах близ закрытого верненскими большевиками из коммуны “Новая эра” Свято-Троицкого Иссык-Кульского монастыря (в одиночестве или нет – неизвестно) до своего переселения в с. Ананьево скрывался монах Ираклий (канонизированный Русской православной церковью как преподобноисповедник). Кто-то из монахов жил, по рассказам крестьян, в пещерах на иссык-кульских полуостровах и островах. Это все, что на данный момент известно про скиты в Иссык-Кульской области.

О существовании тайных монашеских общин в Чуйской долине до сих пор можно было предполагать только гипотетически, основываясь на скудных, несколько путанных фактах из жизнеописания афонских иноков Иоанна (Лаба) и Илариона (Цурикова). Согласно базе данных Свято-Тихоновского православного университета (далее биографические сведения об Иоанне и Иларионе приводятся по этому источнику), после двух ссылок в 1928–1930-х гг. они оказались в Киргизии, где проживали в горах на пасеке, были в очередной раз арестованы и осуждены [8; 9]. Про иеромонаха Илариона сказано, что он в 1928–1929 гг. проживал во Фрунзе, там же 02.02.1929 г. был арестован вместе с иеромонахом Иоанном. Об Иоанне сообщается, что он проживал в 1928–1930-х гг. в “г. Такмаке (Так в источнике – Е.О.)... После освобождения из первой ссылки о. Иоанн поселился вместе с о. Иларионом в горах на пасеке”, арестован вместе с о. Иларионом в 1929 г. [8]. Сосланные после “киргизского” ареста один – в Казахстан, другой – в Узбекистан, они встретились в Мирзояне, где вновь жили в одной монашеской общине, были арестованы, осуждены по одному делу в 1937 г., обвинены

в контрреволюционной деятельности и в том, что они – “руководители тайного монастыря в Мирзояне [...] производили тайное пострижение в тайное монашество”. Иеромонахи Иоанн и Иларион были расстреляны в Лисьей Балке близ Чимкента.

Афонские иноки Иоанн и Иларион были единомышленники, близко общались и до своих скитаний по Средней Азии – вместе были высланы как имяславцы с Афона в 1913 г., пути их пересекались на Кавказе, в Нарымской ссылке. В Киргизии они, несомненно, проживали вместе, но где они обитали, обстоятельства их жизни в этот период, даже точное место ареста, не были известны.

Теперь, когда в нашем распоряжении оказалось обвинительное заключение на четырех монахов и двух мирян, арестованных по подозрению в контрреволюционной деятельности, мы можем не только дополнить и уточнить факты из жизни Иоанна и Илариона, но и узнать о других афонских монахах, проживавших и арестованных вместе с ними, о мирянах, жителях Киргизии, без помощи которых тайная жизнь монахов была бы невозможна.

Мы работали с архивной копией обвинительного заключения, сделанной в 1966 г. Документ этот хранится в фонде 2678 “Коллекция по религии и атеизму” Центрального государственного архива Киргизской республики [10]. Оригинал этого документа, составленного 21 января 1929 г. по материалам следственного дела “По обвинению Лоба Флавия, Цурикова Илариона, Литвинова Никифора, Попова Егора, Оплачкина Ивана, Бабенко Петра” уполномоченным Киргизского отдела ОГПУ, нам недоступен, но достоверность архивной копии у нас сомнения не вызывает. О точном соответствии копии оригиналу свидетельствуют карандашные исправления, внесенные в машинописный текст с целью сокрытия некоторых особенностей работы ОГПУ при публикации или цитировании данной копии – в архивной копии вычеркнуто все, что может дать представление об агентурных, то есть секретных, негласных способах получения данных о верующих и религиозных организациях, о неудавшихся попытках внедрения агента ОГПУ в ряды членов общины.

Из обвинительного заключения следует, что в начале 1928 г. в Чуйской долине, в 30 верстах от города Токмак, неподалеку от поселка Александровка, возникла нелегальная монашеская община. Здесь на своей пасеке житель Токмака Петр Иванович Бабенко (1869 г. р.) поселил четырех монахов-имяславцев, покинувших Афон в 1913 г. Это монахи Иоанн (Лаба), Иларион (Цуриков), Никифор Тимофеевич Литвинов (1864 г. р.) и Егор Иванович Попов (1869 г. р.) (монашеские имена двух последних иноков нам не известны) [10; 11]. После

многолетних скитаний и ссылок они на какое-то время оказались в Киргизии благодаря иеромонаху Илариону, который – сам уроженец Токмака – был также родственником Петра Бабенко.

Как сказано в обвинительном заключении, следствие велось в отношении следующих лиц: “Лоба Флавия Ивановича, рождения 1859 года (в обвинительном заключении везде упоминается под своим мирским именем – Флавий, а фамилия пишется через “о” – Лоба, по другим источникам – Флавиан Иванович Лаба, 1863 г. р. – Е.О.), неимущий, русский, монах, до 1913 года проживал в Турции на Афоне, холост, б/п, с 24 по 28 г. находился в ссылке за к/р деяния в Нарымском крае, был выслан с Кавказа.

Цуриков Илларион Федорович, рождения 1858 года, русский, уроженец гор. Токмака, неимущий, монах, б/п, до 1913 г. проживал в Турции на Афоне, за к/р деятельность находился в ссылке с 24 до 28 года, выслан был с Кавказа.

Литвинов Никифор Тимофеевич рождения 1864 года, русский, монах, имущества не имеет, уроженец Кавказа, б/п, с его слов не судившийся, до 1913 г. проживал на Афоне в Турции.

Попов Егор Иванович, рождения 1859, монах, русский, происходит из жителей с. Лебединовки Кирг АССР, б/п, холост, до 1913 г. проживал в Турции на Афоне.

Оплачкин Иван Фролович, рождения 1889 года, житель гор. Токмака, русский, б/п, занимался сельским хозяйством, с его слов не судившийся, был обложен индивидуальным налогом как зажиточный, имеет в Токмаке дом и др. имущество.

Бабенко Петр, рождения 1850 г., проживал в г. Токмаке, русский, занимался крестьянством, б/п, с его слов не судившийся, по официальному положению в свое время кулак, за последнее время имущество уменьшалось в силу раздела с сыновьями и продажи. По религиозному убеждению тихоновец” [10, л. 6; 11].

О том, как они оказались в Киргизии, в заключении сказано следующее: “Опрошенный Цуриков Иларион показал: что он до 24 года с 13 по возвращению с Афона из Турции, проживал в Москве при одном из монастырей и, что в продолжении ряда лет вел борьбу за осуществление идей “имяславия”, поддерживал письменную связь с Киевским центром, который в то время находился там. В это же время поддерживая связь с проживающим на Кавказе в с. Соленом иеромонахом Лоба, который [...] в 24 году переехал к нему, по приезде вскоре был арестован и выслан также в Нарымский край сроком на 3 года. Срок ссылки отбыл в 28 году, по освобождению вернулся в г. Токмак и при помощи своих родственников Оплачкина Ивана, Бабенко

Петра устроился к последнему на пасеку с тем, чтобы найти уединение” [10, л. 2].

Из показаний разных допрошенных по этому делу людей вырисовывается яркая личность благочестивого крестьянина Петра Бабенко, у которого еще до приезда афонских монахов в доме нелегально собирались верующие для совместной молитвы. В это время, в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в Киргизской ССР с целью сокращения числа церквей проводилась перерегистрация православных приходов. В первую очередь закрывались “патриаршьи”, то есть верные патриарху Тихону, а не обновленческому Синоду, приходы. Чтобы не общаться с обновленческим духовенством, которое активно сотрудничало с советской властью и поэтому получало преимущество при перерегистрации, верующие в церкви не ходили, а собирались по домам. Такая перерегистрация прихода в конце 1920-х гг. тянулась в г. Токмак, в итоге храм св. великомученика Георгия был зарегистрирован как “«Токмакский православный приход», культ православного вероисповедания синодальной ориентации” [11, л. 2], то есть обновленческий. С риском для жизни Бабенко “свой дом превратил в молельню”. Как сказано далее, “Бабенко, в обновленческую церковь не ходил, а временами служит у себя на квартире. Во время богослужения его посещали сторонники тихоновщины. [...] пренебрегал обновленческую церковь” [10, л. 4]. Афонские монахи, как сказано в обвинительном заключении, “убежище нашли у Бабенко лишь потому, что они являются со старыми взглядами, он их приютил”, приняв “с объятиями” “при их договоренности с переездом на пасеку заверял их, что он будет им помогать материально, пусть они ни о чем не беспокоятся, что не долго то время когда будет снова свободнее жить” [10, л. 2–3]. Петр Бабенко, как он сам показал на допросе, знал, что монахи Иоанн и Иларион были сосланы за контрреволюционную деятельность. Не побоявшись властей, он не только предоставил им свою пасеку, но и регулярно посещал их, был с ними единомыслен во всем, и вся семья его (жена и два взрослых сына – Николай и Василий) участвовала в богослужениях и руководствовалась наставлениями афонских старцев.

Посещал монахов, молился с ними, исповедовался и был арестован и осужден с ними другой родственник о. Илариона – житель Токмака Иван Фролович Оплачкин (1883 г. р.) [11]. Из афонских монахов местным уроженцем (“из жителей с. Лебединовки” – это в 50 км от Токмака) был Егор Попов.

О том, как протекала жизнь в монашеской общине, из обвинительного заключения нам известно следующее: “Пишу им приносили миряне из окрестных сел, моление у них совершалось

ежедневно, за священника был Лоба, религиозные обряды совершались по старому, обновленческого течения они не признавали – против которого всемерно боролись и разъяняли верующим при посещении, что такое “имяславия”. В проповедях, во время богослужения всегда доказывали, что обновленческая церковь не является последовательно апостольской, в нее ходить мол не надо” [10, л. 3]. Судя по всем показаниям, в монашеской общине сохранялся “староцерковный уклад”, модернистская обновленческая “Живая церковь” осуждалась и, оставаясь верными имяславию, обитатели этой маленькой общины оставались также верными законной, то есть патриаршей, церковной иерархии. Как показывал допрошенный в качестве свидетеля Петр Тронеv, “во время богослужения проживающие монахи на пасеке Бабенко проповедывали о защите церкви при этом говорили, что обновленческая церковь отстывает от евангельского учения, призывали [не] посещать их; благодаря такой агитации им удалось привлечь в качестве постоянных посетителей старух и стариков из селения п. Александровки. Из этого же селения их частично снабжали продуктами питания” [10, л. 4].

В обвинительном заключении указаны цели, которые преследовали монахи и миряне, создавая на отдаленной пасеке монашескую общину. В архивном документе слова допрашиваемых почти нигде не заковычены, но по лексическим особенностям высказываний нетрудно с большой долей уверенности предположить, какие мотивировки предполагались сотрудниками ОГПУ, ведущими допрос: “Эта организация в основном ведет борьбу за укрепление этого имени [Иисуса] среди верующих, [...] цель привлечь на свою сторону верующих”. О монахе Егоре Попове сказано, что он “перекочевал” из Лебединки (пригородное село близ Фрунзе): “группируя вокруг себя конспиративно (так в документе – *Е.О.*) настроенный элемент из селения Лебединки, с тем, чтобы продолжать и поддерживать начатое дело – по созданию этого к/р ядра в Токмакском районе Лоба, Цуриковым и Литвиновым” [10, л. 1].

Ясно также, как объясняли свое пребывание на пасеке сами монахи: из-за того, “что сейчас происходит гонение на религии и для того, чтобы спасти душу, они решили уединиться”; “в целях уединения”, “чтобы найти уединение”, чтобы “избавиться от преследований”. “Он же, иеромонах Иоанн, говорил, что он “проповедывал и будет проповедывать слова “имяславия” и будет пользоваться его слова в целях борьбы с обновленческим течением в СССР” [10, л.1–2].

Следователи признаются в итоге, что контрреволюционную деятельность данной группировки

монахов им доказать не удалось. И сами допрошенные по делу свою принадлежность к контрреволюционной деятельности отвергали: “Свою виновность Лоба отвергает, что эта организация к которой принадлежит он “имяславия”, является монархически-революционной”. Также и Бабенко отрицал “какое либо участие в совместной к/р деятельности с этими монахами” [10, л. 2]. Следователь с сожалением констатировал, что из-за того, что “пасека, на которой проживали эти монахи, находилась в 30 верстах от города Токмака вне населенного пункта, почему агентурное обслуживание было невозможно, в то же время их деятельность протекала в кругу своей группы и лиц приверженных к ним, почему нам не удалось подтвердить открыто к/р деяния, в момент проживания на пасеке, как агентурным путем, так и следственным”. Конечно, такое признание не освобождало подсудимых от наказания – в вину ставился установленный факт принадлежности монахов и мирян к “имяславию”, “а, организация “имяславие” как выше сказано, целиком вела к/р дело, была связана с кулачеством, бандитизмом, последнему всемерно содействовала, помогая материально, а посему обвинения нахожу доказанным” [10, л. 5].

Следствие велось Токмакским районным ОГПУ, по данному заключению всех подсудимых было решено “передать суду Особой Тройки при ППОГПУ [Полномочное представительство ОГПУ] в Средней Азии по ст. 58 п.10 УК РСФСР, куда и направить настоящее дело с перечислением за ней обвиняемых, которых с сего числа перевести в Фрунзенский ЦИДТ (Центральный исправительный трудовой дом)” [10, л. 7].

Опубликованные здесь данные имеют значение не только для уточнения обстоятельств жизни афонских монахов Иоанна и Илариона, но и для изучения истории православия в Киргизии в годы советской власти. До того, как были собраны воедино данные о тайных монашеских общинах, Киргизия – кроме Иссык-Куля – представлялась местом “провинциального захолустья” церковной истории советского периода, территорией фактологической скудости, “затишья” по сравнению, хотя бы, с соседними азиатскими республиками – Казахстаном и Узбекистаном. На фоне истории Карлага, церковных расколов Алматы и Ташкента, больших поселений ссыльных архиереев, массовых арестов и расстрелов монахов и монахинь в Чимкенте, советский период в истории православия в Киргизии и сейчас выглядит скромно, но начинает проявляться его специфика.

Интересной для дальнейшего исследования представляется тема афонского монашества, в том числе и судьбы имяславия в горах Тянь-Шаня, так

как не только в общине близ с. Александровка, но и в Джалал-Абадских скитах проживали в это время афонские монахи (Макарий и Дорофей), также покинувшие Афон сразу после 1913 г. [5; 6].

Традиции этих скитов прослеживаются до конца 1940-х – начала 1950-х гг., когда почти десять лет скрывался в Тянь-Шанских горах ссыльный схиепископ Петр Ладыгин с монахами и послушниками в количестве двадцати человек. Монахи из центральной России продолжали ехать в Киргизию и после массовых репрессий 1930-х гг., когда была проведена целенаправленная ликвидация всех “тихоновских” общин – и под Токмаком, и на юге Киргизии, и на Иссык-Куле. Можно предположить, что они ехали сюда “по памяти”, по рассказам спасшихся от репрессий, но не исключено, что в труднодоступных горных скитах монашеская жизнь не прерывалась. Кто-то из них оставался, и в 1940-е гг. монахи с катакомбным схиепископом Петром Ладыгиным, также воспитанником Афона, поехали не на пустое место.

Благодаря собранным и представленным здесь фактам, становится очевидной та особая роль, которую сыграла Киргизская республика в годы массовых репрессий против православных верующих. Высокогорные долины, “щели и пропасти земные” Тянь-Шанских гор в 1920-е – 1950-е гг. стали удобным местом для тайных подвигов гонимых монахов и благочестивых мирян, местом, где на пасеках, в труднодоступных самодельных тайных кельях и пещерах им удавалось восстановить уклад монашеской жизни, получив молитвенный отдых от преследований, возможность на время скрыться от гонений, чтобы потом завершить свой жизненный путь в российских монастырях или на расстрельных полигонах.

Литература

1. ЦГА ПД КР. Ф. 10. Д. 321.
2. *Ходаковская О.* Аксайские предания / О. Ходаковская // Веди. 2000. № 1–2 (26).
3. *Ходаковская О.* Вы видели на горе Мохнатке монашеские скиты? / О. Ходаковская // Начнем с понедельника. 17.11.1999.
4. *Лухтанов А.* Город Верный и Семиреченская область / А. Лухтанов. Алматы, 2011.
5. *Королева В.* Крест на Красном обрыве / В. Королева. М., 2014.
6. *Заславский В.Б.* Воспоминания Н.Г. Тресиной (Казулиной) как источник по истории Среднеазиатской церкви советского периода / В.Б. Заславский // Первые Международные чтения “Традиции дружбы народов России и Средней Азии на протяжении веков”: сб. материалов. Бишкек, 2013.
7. Новомученики и исповедники в земле Казахстанской просиявшие. Алматы, 2009.
8. Иоанн (Лаба Флавиан Иванович) // База данных по новомученикам и исповедникам Российским ПСТБУ. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans
9. Иларион (Цуриков Родион Федорович) // База данных по новомученикам и исповедникам Российским ПСТБУ. URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans/
10. ЦГА КР. Ф. 2678. Оп. 2. Д. 4.
11. Анкетные данные уточнялись по базе данных общества “Мемориал” // Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru>
12. ЦГА КР. Ф. 21. Оп. 7. Д. 148.